

УДК 159.922.2

## ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ “ЧЕЛОВЕК—ЛОШАДЬ” В ИППОВЕНЦИИ: ЭКОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ПСИХИКИ<sup>1</sup>

© 2023 г. О. Г. Лопухова<sup>1,\*</sup>, В. И. Панов<sup>2,\*\*</sup>

<sup>1</sup>Казанский (Приволжский) федеральный университет;  
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Россия.

<sup>2</sup>ФГБНУ “Психологический институт Российской академии образования”;  
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, корп. 4, Россия.

\*Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии  
Института психологии и образования.

\*\*Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,  
заведующий лабораторией эконпсихологии развития и психодиактики.  
E-mail: ecovip@mail.ru

Поступила 09.01.2023

**Аннотация.** Ипповенция как направление психотерапевтического и развивающего личность взаимодействия “человек—лошадь” последние годы экстенсивно развивается в России. За рубежом аналогичные практики представлены разнообразием моделей (Equine Assisted Psychotherapy, Equine Facilitated Psychotherapy, Equine-Assisted Counseling, Equine-Assisted Growth and Learning и т.п.), основанных на разных теоретических подходах. Систематизация этих моделей позволяет соотнести их с определенными функциональными задачами ипповенции как целостной системы: психотерапевтической, коррекционно-консультативной, социально-психологической и образовательно-педагогической. Однако на методологическом уровне выявляется противоречие. Практическая реализация большей части этих задач строится в гносеологической парадигме, когда лошадь для человека выступает как объект его действий или же человек “субъектифицирует” лошадь (наделяет ее “человеческими” личностными качествами). В то же время существует точка зрения, согласно которой лошади по своей природе наделены субъектностью в поведении и отношениях, что соответствует онтологической парадигме анализа взаимодействий в системе “человек—лошадь”. Решение данного противоречия, на наш взгляд, возможно с позиций эконпсихологического подхода к развитию психики (В.И. Панов) и разработанной в его рамках эконпсихологической типологии субъект-средовых взаимодействий. Это обусловлено тем, что в основе данного подхода лежит представление о творческой природе психики как формы бытия, которая находит свое проявление в психологических возможностях и человека, и лошади выступать субъектами своего бытия и субъектами социальных взаимодействий. Проведен анализ психотерапевтического и развивающего потенциала техник ипповенции в контексте базовых типов эконпсихологических взаимодействий “человек—лошадь” (объект-объектного, субъект-объектного, объект-субъектного, субъект-обособленного, субъект-совместного и субъект-порождающего). Сделан вывод о том, что методология эконпсихологического подхода к развитию психики дает возможность рассматривать ипповенцию как систему социальных взаимодействий, построенную на едином теоретическом основании и позволяющую решать разные психотерапевтические и развивающие задачи в условиях взаимоотношений “человек—лошадь”.

**Ключевые слова:** эконпсихологический подход, ипповенция как система, взаимодействия “человек—лошадь”, психотерапия, субъект-средовые взаимодействия, гносеологическая парадигма, онтологическая парадигма.

DOI: 10.31857/S020595920027083-7

Участие лошадей в психотерапевтических встречах и психокоррекционных программах является

относительно новым для России явлением, которое развивается как направление, называемое “ипповенция” [1]. Идея выделить отдельное направление, назвав его “ипповенция” (от *hippo* — лошадь, *venire* — двигаться навстречу, идти к...), принадлежит Х.-Ю. Барайссу [15]. В своей модели “Терапевтическое взаимодействие человек—лошадь (ТВЧЛ)” он

<sup>1</sup> Работа О.Г. Лопуховой выполнена в рамках Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (ПРИОРИТЕТ-2030). Работа В.И. Панова выполнена в рамках научной темы ФГБНУ “Психологический институт РАО” (код — FNRE-2022-0002).

предлагает разделять два направления: “иппотерапию” как лечебно-физиологическое направление, где представлен один вид взаимодействия клиента с лошадью — пассивное движение верхом, и “ипповенцию” как психокоррекционное и развивающее личностное направление, включающее широкий спектр видов взаимодействия с лошадьми (наблюдение, уход, работа с лошадью “на земле”, верховая езда, варианты вольтижировки и пр.), а также различные формы организации контактов “человек—лошадь” (индивидуальные и групповые). Несмотря на то что модель ТВЧЛ популярна в европейских странах, сам термин “ипповенция” не получил там распространения. Обобщая данные зарубежных англоязычных источников, можно выделить различные модели психотерапии и тренингов с лошадьми: психотерапия с участием лошади (Equine Assisted Psychotherapy (EAP), Equine Facilitated Psychotherapy (EFP)), консультирование с участием лошади (Equine-Assisted Counseling (EAC)); личностный рост и обучение с участием лошади, включающие технологии коучинга, социально-психологических и корпоративных тренингов (Equine-Assisted Learning (EAL), Equine-Assisted Growth and Learning (EAGL)). Структурируя различные задачи психологической работы во взаимодействии “человек—лошадь”, в ипповенции можно выделить области, соотносящиеся с обозначенными выше зарубежными “моделями”: психотерапевтическую (модели EAP или EFP), коррекционно-консультативную (модель EAC), социально-психологическую (тренинги, коучинг; модель EAL) и образовательно-педагогическую (или иппопедагогическую; модель EAGL) области.

В определенном смысле ипповенцию можно отнести к анималотерапии как к более широкой сфере, поскольку многие проблемы, которые решаются в сессиях с участием домашних животных [8], являются общими для психотерапевтического взаимодействия с лошадьми. В то же время включение лошади в психотерапевтические или развивающие программы имеет свою специфику. Это в первую очередь непосредственное пребывание лошади в природной среде, в своем пространстве, вследствие чего для взаимодействия с лошадью человек должен переходить в ее пусть даже антропогенное пространство (например, пространственно-предметная среда конюшни). Большие размеры, физическая сила и некоторые психологические видовые особенности поведения лошади также обуславливают необходимость разрабатывать специфические для ипповенции технологии. Принципиально важным является то, что лошади — высокосоциальные животные, причем социальные отношения в лошадином табуне обнаруживают много параллелей

с человеческим социумом. Кроме того, восприятие образа лошади, глубоко архаичного и многостороннего по своей семантике, затрагивая когнитивно-символический уровень психики человека, открывает возможности развивать в ипповенции техники арт-терапии [4]. Таким образом, можно констатировать, что особенности лошади как животного, неразрывно связанного с природой и при этом являющегося многозначным символом культуры, задают для ипповенции возможности ее развития в эко-арт-терапевтическом направлении психологии [3].

Нарастающий в России интерес к ипповенции и экстенсивно распространяющиеся практики [5; 13] приводят к необходимости развития системы профессиональной подготовки специалистов по ипповенции (психотерапевтов, психологов, педагогов), строящейся на научных принципах и соответствующем методологическом основании.

В зарубежных исследованиях представлены различные подходы к осмыслению психотерапевтического взаимодействия “человек—лошадь”: ортодоксальный и юнгианский психоанализ [6], гештальт-подход [22; 27], личностно-центрированный [19], экзистенциально-интегративный [21], средовой [26] подходы и др. Такое концептуальное разнообразие объясняется многообразием конкретных психологических задач, которые ставятся и решаются с помощью коммуникативных взаимодействий человека с лошадью. При этом в анализе теоретических обоснований этих разных моделей и техник выявляется ряд противоречий. Практическая реализация большей части этих задач строится в гносеологической парадигме, в рамках которой лошадь для человека выступает как объект его действий либо человек “субъективизирует” лошадь (наделяет ее “человеческими” личностными качествами). В то же время существует точка зрения, предполагающая, что лошадь по своей природе наделена субъектностью в поведении и отношениях, что соответствует онтологической парадигме анализа взаимодействий в системе “человек—лошадь”. Таким образом, разные задачи психотерапевтических и развивающих взаимодействий с лошадью эксплицируются в зарубежных исследованиях в логике разных подходов, а ипповенция как целостная система предполагает использование единой концептуальной модели, которая позволила бы ставить и решать эти разнообразные задачи, опираясь на единые теоретико-методологические основания. Такой концептуальной моделью, на наш взгляд, может выступать экопсихологический подход к развитию психики [10; 12], в рамках которого выделены

экопсихологические типы взаимодействий в системе “индивид—среда”, обозначенные позднее как “экопсихологическая модель субъект-средовых взаимодействий”. Отличительной особенностью этих типов взаимодействий является их инвариантный (универсальный) характер по отношению к разным видам окружающей среды и ее субъектам, в том числе к описанию и анализу коммуникативных взаимодействий в межвидовой группе “человек — домашнее животное (собаки и кошки)” [9—11]. Мы полагаем, что отношение человека с лошадью (и к лошади) в разных областях ипповенции также может быть рассмотрено и понято в контексте экопсихологической модели субъект-средовых взаимодействий, что позволяет выйти за границы гносеологической парадигмы и понять механизм отношений “человек—лошадь” как целостного онтологического субъекта.

### ОТНОШЕНИЕ “ЧЕЛОВЕК—ЛОШАДЬ” В ТЕХНИКАХ ИППОВЕНЦИИ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ

Методологическим результатом разработки экопсихологического подхода к развитию психики является расширение понимания психики как объекта и предмета научного исследования: от традиционной в психологии гносеологической парадигмы, где объектом исследования выступает психическая реальность, являющаяся данностью или функцией некоего субъекта (человека или животного), к онтологической парадигме, где в роли субъекта порождения исследуемых психических реальностей может выступать система отношений “человек—среда” [12]. В этом контексте взаимодействие “человек (клиент) — лошадь” в ипповенции можно анализировать как с позиций феноменологической данности психических процессов (состояний, сознания, способностей и поведения) человека и лошади в их контактах, так и с позиций отношений “человек—лошадь” как целостного онтологического субъекта при условии субъект-порождающего и субъект-совместного типов взаимодействия.

Отношения “человек—лошадь” с позиций гносеологической парадигмы анализируются в контексте “использования” природных особенностей лошади как средства, которое дает возможность человеку, испытывающему определенные психологические проблемы, получить необходимый опыт (ощущения, эмоции, образы, переживания и т.п.) для личностного развития и гармонизации.

Большинство зарубежных подходов к пониманию механизмов психотерапевтического и развивающего отношения “человек—лошадь” находятся скорее в рамках гносеологической парадигмы. Многие исследователи отмечают, что переживание тактильности, например, при чистке лошади может помочь человеку излечить эмоциональные и сенсорно-моторные нарушения [14]. Распространенным также является указание на то, что лошадь в силу видовых особенностей умеет точно интерпретировать внешние сигналы и находится в настоящем моменте [18; 23]. Постоянное пребывание лошади в состоянии “здесь и теперь” в сочетании с ее высокой реактивностью и чуткостью к невербальным выражениям эмоций значимо в психотерапевтических программах, включающих экспериментирование с регуляцией состояний и поведения, в частности, реализующихся с позиций гештальт-терапевтического подхода [22; 27]. Общепринята позиция, что уникальный опыт взаимодействия с большим животным может помочь людям побороть страх, развить эмпатию и уверенность в себе, что позволяет гармонизировать отношения с другими людьми [28]. Размеры лошади, производя особенное впечатление на человека, дают возможность исследовать основы проблем, связанных с уязвимостью, силой и контролем [23], а развитие способности управлять большим и мощным животным может помочь людям, перенесшим насилие, обрести чувство успешности и управления окружением [25].

Онтологическая парадигма в анализе отношений “человек—лошадь” исходит из признания того, что лошади, как и человеку, присуща субъектность, в которой выражается творческая природа психики.

Взаимодействие человека и лошади, которое определяется функциями обоих участников такой межвидовой группы, может преобразоваться в качественно иную психологическую структуру, обеспечивающую психологический контакт между человеком и лошадью как представителями разных видов и через взаимопонимание способствующую взаиморазвитию. Превращение отношений “человек—лошадь” в “целостного онтологического субъекта” происходит в условиях диалога, направленного на желание понять “другого”, иной внутренний мир, иное восприятие. В таком диалоге вырабатывается новая общая система коммуникативных знаков и значений. Таким образом, отношения “человек—лошадь” можно рассматривать как межвидовую группу, если она «...использует свой “язык”, устанавливает свои правила взаимодействия, и в этом смысле также является совокупным субъектом совместного развития» [10, с. 256].

## ТЕХНИКИ ИППОВЕНЦИИ КАК ЭКОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ “ЧЕЛОВЕК—ЛОШАДЬ”

Экопсихологические типы взаимодействия универсальны, они включают шесть базовых типов: объект-объектный, субъект-объектный, объект-субъектный и субъект-субъектный, состоящий из субъект-обособленного, субъект-совместного (полисубъекта) и субъект-порождающего. Эти типы могут быть применимы к взаимодействию человека и лошади как частному случаю межвидового взаимодействия. При этом надо понимать, что не каждый тип взаимодействия будет способствовать установлению межвидовой группы “человек—лошадь”, однако в каждом экопсихологическом типе взаимодействия можно выделить психотерапевтический и развивающий потенциал, который может быть реализован в определенных (психодиагностических, психокоррекционных, развивающих) техниках ипповенции.

**Объект-объектный тип взаимодействия** “человек—лошадь” в ипповенции состоит в том, что ни человек (клиент), ни лошадь не реализуют в отношении друг друга целенаправленного поведения. Например, человек смотрит на лошадь, лошадь также видит или замечает человека. Такая ситуация может характеризовать начальный этап психотерапии с участием лошади, когда клиент только осваивается в пространстве и отношениях. Эта ситуация соотносится с техниками наблюдения за лошадью или табуном, как правило, свободно пасущимися на некотором расстоянии на своей территории. Такое наблюдение может сопровождаться беседой, обсуждением запроса. Для психолога в работе с клиентом объектом является рефлексия состояний, ассоциаций, возникающих в “пространстве с лошадьми”.

По мере своего развития клиент может быть готов к более активному взаимодействию с лошадью, установлению с ней непосредственного контакта. Как правило, это выражается в желании “познакомиться с лошадью”: человек подходит к лошади либо лошадь проявляет любопытство и подходит к человеку, который ощущает готовность к такому контакту. Одним из вариантов трансформации объект-объектного типа взаимодействия “человек—лошадь” может быть переход на **объект-субъектный тип взаимодействия**. При таком типе взаимодействия лошадь, например, обнюхивает, ощупывает, изучает человека. При этом клиент в практике ипповенции может быть еще не готов проявлять собственную активность, демонстрируя неуверенность, а также может сообщать о состояниях страха,

тревоги, неуверенности, своих опасениях. На этом этапе он нуждается в поддержке, “присутствии” терапевта. Ощущение себя объектом внимания и активности лошади может актуализировать скомпенсированные ранее травматичный опыт, невротические образования и комплексы. Если такой тип взаимодействия с лошадью в ипповенции затягивается на несколько встреч, это означает достаточно серьезные проблемы психотерапевтического характера и указывает на то, что “движение” к следующим типам взаимодействия нельзя форсировать. К объект-субъектному типу также можно отнести ситуации, когда лошадь манипулирует человеком, выпрашивая угощение. В этом случае можно обсуждать с клиентом восприятие им своей “объектной” позиции в межличностных отношениях, которая в опыте контакта с лошадью выступает яркой метафорой.

**Субъект-объектный тип** является, пожалуй, наиболее распространенным в практике взаимодействия человека с лошадью. Сюда относятся все варианты воздействия человека на лошадь, которая принимает это воздействие, подчиняясь, не проявляя каким-либо образом ответной агрессии или сопротивления. Техники, которые равно относятся к ипповенции и к обычной повседневной практике ухода и тренинга лошади, могут представлять собой чистку, кормление, другие варианты ухода, украшение, седловку и управление лошадью при обучении верховой езде (психотерапевтической верховой езде), отработку с дрессированной лошадью навыков и приемов, которые она знает, и пр. К комплексным практикам ипповенции, реализующим субъект-объектный тип взаимодействия с лошадью, можно, таким образом, отнести “терапию средой конюшни” [26]. Сюда же относятся “Семь игр Пата Парелли”, применяемые с целью освоения клиентом навыков невербального воздействия на лошадь, стимулирования ее к определенным движениям. При этом уже может возникать устойчивая межвидовая группа, по крайней мере пока каждый участник взаимодействия так или иначе удовлетворяет потребности другого. Например, человек угощает лошадь при правильном выполнении команды, гладит и приятно почесывает, что ее вполне устраивает, и она готова выполнять команды без сопротивления. В данном случае с точки зрения экопсихологического подхода также еще нельзя говорить о наличии психологического контакта клиента с лошадью, особенно если до этого у них не было устойчивых взаимоотношений либо у лошади нет потребности в этом контакте с человеком (она его не запоминает и никак не выделяет среди прочих людей), что бывает обычно при единичных или редких нерегулярных

“встречах” клиента с лошадью. Несмотря на это, в реализации всех обозначенных техник, относящихся к субъект-объектному типу взаимодействия, мы можем ожидать развития серьезной положительной психологической динамики в ипповенции у клиента.

Психологическим механизмом такого личностного развития является феномен субъектификации природных объектов [2], который по отношению к лошади может быть представлен в рамках “социальной атрибуции” (“считать субъектом”, “относиться как к субъекту”, “поступать как с субъектом”). Такое восприятие человеком лошади как субъективно значимого “другого”, способного переживать те же чувства, понимать, сопереживать, оценивать, помогать и подсказывать, и представляет собой механизм субъектификации, который, разворачиваясь в сознании человека, позволяет осуществлять процессы идентификации и социальной рефлексии во взаимодействии с лошадью, используя полученный опыт для коррекции и развития самосознания и разных уровней отношений: самоотношения, отношений в социальных группах, отношения к миру природы и к обществу.

С.Д. Дерябо выделил два вида субъектификации. Первый — “автосубъектификация”, когда процесс атрибуции субъектности природному объекту (в нашем случае лошади) инициируется самим человеком. Например, у подростка, пришедшего в конно-спортивную школу, часто можно наблюдать субъектификацию своей лошади, что может мешать устанавливать с ней эффективное взаимодействие в спортивной деятельности. Такой спортсмен может ожидать от своей лошади понимания и поддержки, в том числе в своих спортивных планах; обижаться, злиться на лошадь в случае поражения на соревнованиях. В спортивной деятельности субъектификация лошади не может, таким образом, рассматриваться как полезный или эффективный механизм, позволяющий выстроить адекватные рабочие отношения с лошадью как с животным другого вида и при этом спортивным партнером. Субъектификация лошади может выполнять лишь психотерапевтические функции, компенсируя для спортсмена нерешенные проблемы внутри- и межличностного характера.

Второй вид — “трансубъектификацию” (когда процесс инициируется другими людьми) — в ипповенции можно рассматривать как инструмент работы психотерапевта (психолога, педагога) с клиентом. Задача психолога в ипповенции как раз и состоит в том, чтобы в повседневных взаимодействиях с лошадью, связанных с уходом за ней или ее тренингом, целенаправленно способствовать

развитию у клиента такого механизма субъектификации лошади.

В проведенном нами формирующем эксперименте по апробации психологического тренинга с участием лошадей, направленного на личностное развитие и повышение психологического благополучия, было показано, что показатели “управление собой”, “человек как открытая система”, “позитивные отношения” и “самопринятие” выросли во взаимосвязи с ростом показателей субъектификации лошади (переживанием личностью ее динамики на основе установления параллелизма характеристик лошади со своими собственными, восприятием лошади в качестве фактора, опосредствующего построение личностью ее отношений к миру, и восприятием лошади как субъекта совместной деятельности) [4]. Кроме того, наш опыт показывает, что феномен субъектификации может быть актуализирован у клиента не только в контакте с реальной лошадью, но также и с образами лошади при работе с метафорическими фотокартами [Там же]. Например, когда клиенту при закрытом выборе выпадает какой-либо образ лошади, он практически всегда воспринимается как проекция его текущего состояния или актуального запроса, что может ему подсказать, помочь понять и решить что-то важное для себя. Субъектификация лошади, таким образом, выполняет важные для психотерапии и развития личности функции, обуславливая переход на субъект-субъектный уровень отношений “человек—лошадь”.

В субъект-субъектных отношениях реализация субъектной функции человеком, который имеет свои мотивы, цели, намерения в построении отношений с лошадью, подразумевает учет субъектной позиции и лошади. Человек признает за ней право быть субъектом (иметь свои потребности, желания, мотивы и выборы) либо создает в отношениях с лошадью условия развития ее субъектности через “диалог”. Такая позиция по отношению к лошади получает широкое распространение в зарубежных технологиях психотерапии с лошадьми, где в качестве основных позиций этического кодекса отмечается соблюдение “пяти свобод” (эти правила включены во Всемирную декларацию благополучия животных (Universal Declaration on Animal Welfare) с 2006 г.). Важным критерием психотерапевтической лошади также выступает ее качество “субъектности” (agency). Традиция признавать за лошадью субъектное начало в отношениях с человеком была заложена в практиках Natural Horsemanship (NH), которые имеют все больше последователей. Проблема свободы и контроля в таких практиках отношений “человек—лошадь” активно

обсуждается [16]. Однако признание и соблюдение субъектности и свободы лошади конфликтуют с возможностью управлять ею в целях своей деятельности, когда, например, клиент приходит на психотерапию, а лошадь не имеет желания с ним контактировать.

С позиций экопсихологического подхода к развитию психики субъект-субъектный экопсихологический тип взаимодействия “человек—лошадь” может реализовываться в различных вариантах, которые относятся к онтологической парадигме развития психики, поскольку всегда подразумевается порождение новых форм психической реальности, получающих свое развитие в самом процессе этого взаимодействия, включая конфликтные, сложные и кризисные этапы этой психологической динамики.

**Субъект-обособленный тип взаимодействия** характеризуется тем, что человек и лошадь, преследуя свои цели, целенаправленно вызывают друг в друге определенные состояния. Проявляя субъектность, лошадь может угрожать человеку, не подчиняться, сопротивляться, уходить, не желая контактировать с человеком, либо пытаться занять доминирующее положение, воспринимая человека как члена табуна. Человек, в свою очередь, будет пытаться дисциплинировать лошадь, наказывать, настаивать на своем либо подкупать угощением. Такой тип взаимодействия может проявляться в конфликтах с животным, которые могут иметь разные происхождение и проявления [9], не всегда являясь “конструктивными”, выражаясь часто в борьбе, противостоянии. Личностного развития в таком взаимодействии не происходит, однако ситуации субъект-обособленного типа взаимодействия в ипповенции могут выступать для клиента метафорой, важной для проработки проблем психологических границ и личного пространства, а также условием для развития навыков саморегуляции состояний и рефлексии своих внутренних конфликтов.

**В субъект-совместном (полисубъектном) типе взаимодействия** возможен двусторонний психологический контакт и образование устойчивой межвидовой группы. Человек в отношении к лошади удовлетворяет ее потребности. Чтобы хорошо и ответственно заботиться о лошади, необходимо правильное (ненадуманное) понимание ее реальных потребностей: знание ее анатомии, физиологии, психологии. Лошадь же удовлетворяет потребности или мотивы человека, например, в том, чтобы чувствовать себя владельцем престижной лошади, исполнить детскую мечту иметь лошадь, благодаря лошади организовывать свой досуг и общение с другими любителями лошадей, заниматься конным спортом и пр. В разных ситуациях возможны

переходы из полисубъектного типа взаимодействия к субъект-обособленным отношениям и обратно.

В практиках ипповенции полисубъектный вид взаимодействия клиента с лошадью несет в себе развивающую функцию в отношении экологического сознания, обретения опыта принимающего и ответственного отношения к “другому”, понимания и соблюдения психологических границ при условии переноса опыта отношений с лошадью на отношения в социуме. Например, в программах психологического сопровождения семей с детьми групп риска или расстройствами аутистического спектра родители могут, обретая опыт понимания иного восприятия отношений и информации лошадью, поняв и приняв с интересом этот “другой мир”, перенести этот опыт на отношение со своим “другим” ребенком, воспринимая его с большим принятием и пониманием. Через развитие понимания лошади как представителя другого вида животных, базирующегося на уважении ее потребностей, в том числе потребности быть собой и проявлять собственное субъектное начало, клиент получает возможность проецировать этот опыт на понимание психологии отношений в человеческом социуме, а также на себя (свое Я), развивая самопринятие, самоуважение и внутреннюю интеграцию. Соответственно, специалист по ипповенции (в данном случае это может быть психотерапевт, психолог или педагог) при разработке и организации развивающих или коррекционных программ большее внимание в рамках данного типа взаимодействия “человек—лошадь” уделяет механизмам рефлексии, проекции, обучающим методам, реализующимся через беседы, совместные обсуждения и дискуссии, письменные или устные эссе, развернутую обратную связь и осознание личностной динамики. Техники ипповенции субъект-совместного или полисубъектного типа взаимодействия с лошадью могут реализовываться и как арт-методы, например задания по выполнению фотопроекта в пространстве и контакте с лошадью с последующей его презентацией и обсуждением в группе своего опыта. В качестве примера также можно привести программу коррекции детско-родительских отношений “Контроль и доверие” [24]. В данной программе получение участниками опыта принятия субъектной позиции лошади во взаимодействии с ней приводило к обсуждению вопросов степени контроля, баланса контроля и доверия, и полученные инсайты транслировались родителем на отношение к своему ребенку, также включенному в эти терапевтические отношения.

Содержание **субъект-порождающего типа взаимодействия** человека и лошади состоит в том, что

“...изменение психического состояния одного члена межвидовой группы происходит как изменение состояния системы в целом посредством ее превращения в субъекта совместного действия или развития” [10, с. 255]. В инактивном подходе когнитивные психологи считают, что для субъект-субъектного взаимодействия порождающего типа ключевым условием является способность взаимодействующих социальных субъектов согласовывать свои действия, как минимум, на уровне движения. В результате таких социальных взаимодействий развивается не только индивидуальная субъектность, но и сама система взаимодействия, порождаются новые смыслы, значения, нормы [20]. Ярким примером такого взаимодействия выступает игра с лошадью. В развитии и углублении отношений с лошадью игра не выступает самоцелью, она возникает как новый качественный результат этих отношений, своего рода психическое новообразование. Совместная игра лошади и человека строится на чувстве глубокого понимания, принятия друг друга и взаимного доверия. Игра с лошадью сродни танцу, в котором общение также приобретает характер спонтанного символического взаимодействия.

В игре происходит не только выплеск энергии, но и развитие психики, ума, поскольку у лошади очень сильна потребность в развитии, освоении новых навыков. Специалисты отмечают, что чем лошадь “умнее” и благополучнее, тем больше у нее развита потребность в игре. Благополучие лошади обеспечивают обозначенные выше нормативные требования к ее содержанию (“пяти свобод” и субъектности). Что касается “ума”, то речь тут идет и о природном интеллекте как предпосылке развития умственных способностей, и о продукте развития этих способностей в созданных для лошади условиях как природной, так и культурной (человеческой) среды. Это так называемая двойная социализация: во-первых, “табунная”, во внутривидовых отношениях, где получает реализацию и развитие природное начало лошади, дающее основу самовыражения и субъектности (агентности), и, во-вторых, “культурная” социализация в отношениях с человеком, где лошадь интериоризует нормы и способы взаимодействия в человеческом социуме. “Социализированность” лошади, которая является необходимым требованием для межвидового взаимодействия с ней, состоит, как минимум, в том, что она не должна отождествлять человека с лошадьми и должна, соответственно, уметь соблюдать безопасную дистанцию, адекватно регулировать свои действия, понимать знаково-символические формы взаимодействия с человеком. У лошади должна быть потребность не только выражать

себя и контактировать со значимым человеком (как реализация ее субъектности), но и развиваться во взаимодействии с человеком. Такая потребность от природы заложена в психике лошади, но лишь во взаимодействии с человеком, обеспечивающем ей соответствующие средовые условия, потребность в развитии может получить свою реализацию. Эту особенность лошади обнаружил и описал в 30-е годы XX в. Ф.А. Любимов в своих опытах по обучению кавалерийских лошадей счету и буквам [7]. В середине XX в. Генри Блейк установил и описал, что лошадь способна выстраивать дифференцированно системы коммуникации, используя разный “язык” не только “для лошадей” и “человека”, но и в зависимости от конкретных средовых условий, в которых она проходила социализацию [17]. Современные исследования экспериментально подтвердили, что лошади способны связывать абстрактные символы с конкретным результатом, различать абстрактные геометрические фигуры (в том числе при вращении), понимать концепции отношения (больше, меньше, одинаковый) [28]. Важно при этом, что указанный интеллектуальный потенциал лошади может развиваться только в специально организованных средовых условиях взаимодействия с человеком, причем преимущественно посредством игры.

Не может быть никаких универсальных приемов развития отношений в виде игры с лошадью: каждая лошадь играет по-своему, это всегда неопределенность и спонтанность. Для этого нужно понять данную конкретную лошадь, увидеть внутренние причины особенностей ее поведения и реализации потребностей в общении (например, она может демонстрировать агрессию, пугать, покусывать, хулиганить, отбирать вещи, показывать язык, стучать копытом, вытягивать ногу и т.п.). Поняв, что за этим стоит нереализованная потребность в общении, неумело или неадекватно выражаемая, человек может предложить “культурные” средства для выражения и удовлетворения этой потребности, создавая игру и углубляя свой контакт с лошадью. При этом часто в повседневной практике традиционного отношения к лошади закрепились стереотипы, преодоление которых в субъект-порождающем взаимодействии подразумевает реализацию человеком внутренней свободы и творчества. Признаками внутренне свободной и творческой позиции в отношении с лошадью являются восхищение, любование, нескрываемая радость, свободно проявляемая и выражаемая во взаимодействии с ней. Развивая игру с лошадью, мы формируем отношение “человек—лошадь” как новую функциональную систему: самоорганизующуюся, саморегулирующуюся и способствующую достижению

совместного результата действия. То есть выход в отношениях “человек—лошадь” на уровень субъект-порождающего типа взаимодействия подразумевает творческую позицию развития и саморазвития участников этой межвидовой группы. Развитие потребности в игре с лошадью у человека подразумевает, что он должен быть внутренне целостным, гармоничным и раскрепощенным в общении. У человека должны быть развиты эмпатия (эмоциональная и кинестетическая), эмоциональный интеллект, способность к самоконтролю и саморегуляции, внутренняя свобода. Человеку в личностном развитии часто на этот уровень нужно “выйти”, нужна внутренняя трансформация, “путь”, и неслучайно термин “ипповенция” в нашей несколько трансформированной дефиниции — это “путь к лошади”.

## ВЫВОДЫ

Понимание механизмов психологической динамики при взаимодействии “человек—лошадь” с позиций методологии экопсихологического подхода к развитию психики позволяет выстроить все многообразие возможных техник и вариантов ипповенции в рамках универсальной модели, базирующейся на ряде положений: 1) постулирование психики как формы бытия, фундаментальной особенностью которой является творческая природа развития (что относится как к человеку, так и к лошади); 2) представление об экопсихологических типах взаимодействия в понимании механизмов психотерапевтических отношений “человек—лошадь”; 3) преодоление ограничений гносеологической парадигмы в понимании психологических эффектов ипповенции и выход на онтологический уровень понимания механизма психической динамики как продукта субъект-порождающего взаимодействия “человек—лошадь”. Таким образом, методология экопсихологического подхода к развитию психики позволяет рассматривать ипповенцию как целостную систему, построенную на едином теоретическом основании для разных задач психотерапевтического и развивающего взаимодействия “человек—лошадь”.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Газизов К.К., Лопухова О.Г. Ипповенция — психологическая коррекция и развитие личности с помощью лошади // Журнал “Иппотерапия”. Вестник Национальной федерации иппотерапии и адаптивного конного спорта. 2016. № 2 (4). С. 24–27.

2. Дерябо С.Д. Антропоморфизация природных объектов // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 61–69.
3. Копытин А.И. Концептуальные основы эко-арт-терапии // Медицинская психология в России. 2019. Т. 11. № 1. С. 4.
4. Лопухова О.Г., Газизов К.К. Психотерапия и обучение с участием лошади: теория, практика и связь с экопсихологией // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. 2020. Т. 1. № 1. С. 67–78.
5. Лопухова О.Г., Газизов К.К., Аболищ А.С. “Ипповенция” как реализация экопсихологического подхода в психотерапии и развитии личности // Экспсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития: Сборник научных статей / отв. ред. В.И. Панов. М.: ФГБНУ “Психологический институт РАО”; Курск: Университетская книга, 2020. С. 146–150.
6. Лошадь в психотерапии, иппотерапии и лечебной педагогике: Учебные материалы и исследования немецкого кураториума по терапевтической групповой езде: Пер с нем.: В 3 ч. Ч. 2. М.: Конноспортивный клуб инвалидов, 2003.
7. Любимов Ф.А. Зоопсихология как основа обучения лошади. М.: ГорКа, 2005.
8. Никольская А.В., Костригин А.А. Эффективность использования анималотерапии в когнитивно-поведенческой терапии: психотерапевтические кейсы // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 4. С. 149–164.
9. Никольская А.В., Панов В.И. Возможность конструктивного конфликта в межвидовой группе “человек — домашнее животное” // Психология конструктивной конфликтности личности / Под ред. А.В. Карпова, М.М. Кашапова. Ярославль: Канцлер, 2013. С. 84–111.
10. Панов В.И. Экспсихология: Парадигмальный поиск. М.; Психологический институт РАО; СПб.: Нестор-История, 2014.
11. Панов В.И. Коммуникативные взаимодействия в межвидовой группе “человек — домашнее животное” в контексте экопсихологических типов взаимодействий // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 1. С. 60–70.
12. Панов В.И. Экспсихология развития: гносеологическая и онтологическая парадигмы // Познание и переживание. 2020. Т. 1. № 1. С. 38–54.
13. Рабаданова Р.С., Новиков А.В., Виноградова М.К., Слабкая Д.Н. Ипповенция как действенный практический метод психолого-педагогического воздействия в современном обществе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 2 А. С. 317–324.
14. Bachi K., Terkel J., Teichman M. Equine-facilitated psychotherapy for at-risk adolescents: The influence on

- self-image, self-control and trust // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2012. V. 17. № 2. P. 298–312.
15. Bareiss H.-J. Therapeutische Mensch-Pferd-Interaktion (TMPI). Grundzuege eines ganzheitlichen und mehrdimensionalen Strukturmodells // *Praxis der Psychomotorik: Zeitschrift für Bewegungs und Entwicklungsförderung*. 1996. V. 21. № 2. P. 93–98.
  16. Birke L. Talking about horses: control and freedom in the world of “natural horsemanship” // *Society and Animals*. 2008. № 16. P. 107–126.
  17. Blake H.N. Talking with horses: A study of communication between man and horse. L.: Souvenir Press, 1975.
  18. Brandt C. Equine-facilitated psychotherapy as a complementary treatment intervention // *The Practitioner Scholar: Journal of Counseling and Professional Psychology*. 2013. V. 2. № 1. P. 23–42.
  19. Chardonens E. The use of animals as co-therapists on a farm: The child-horse bond in person-centered equine-assisted psychotherapy // *Person-Centered and Experiential Psychotherapies*. 2009. № 8. P. 319–332.
  20. De Jaegher H., Froese T. On the role of social interaction in individual agency // *Adaptive Behavior*. 2009. V. 17. № 5. P. 444–460.
  21. Lac V. Horsing around: gestalt equine psychotherapy as humanistic play therapy // *Journal of Humanistic Psychology*. 2016. V. 56. № 2. P. 194–209.
  22. Lac V. Amy’s story: an existential-integrative equine-facilitated psychotherapy approach to anorexia nervosa // *Journal of Humanistic Psychology*. 2017. V. 57. № 3. P. 301–312.
  23. Lentini J.A., Knox M.A. Qualitative and quantitative review of equine facilitated psychotherapy (EFP) with children and adolescents // *The Open Complementary Medicine Journal*. 2009. V. 1. № 1. P. 51–57.
  24. Lopukhova O.G. Correction of parent-child relationship through Equine assisted learning “Control and Trust” // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (IFTE 2017 — III International Forum on Teacher Education)*. 2017. P. 485–493.
  25. Kemp K. et al. Equine facilitated therapy with children and adolescents who have been sexually abused: A program evaluation study // *Journal of child and family studies*. 2014. V. 23. № 3. P. 558–566.
  26. Kern-Godal A., Arnevik E. More than just a break from treatment: How substance use disorder patients experience the stable environment in horse-assisted therapy // *Substance Abuse: Research and Treatment*. 2016. № 10. P. 99–108.
  27. Kirby M. Gestalt equine psychotherapy // *Gestalt journal of Australia and New Zealand*. 2010. V. 6. № 2. P. 60–68.
  28. Trotter K.S., Chandler C.K., Goodwin-Bond D., Casey J. A comparative study of the efficacy of group equine assisted counseling with at-risk children and adolescents // *Journal of creativity in mental health and social care in the community*. 2008. V. 3. № 3. P. 254–284.

## HUMAN-HORSE INTERACTIONS IN HIPPOVENTION: ECOPSYCHOLOGICAL APPROACH TO PSYCHE DEVELOPMENT<sup>2</sup>

O. G. Lopukhova<sup>1,\*</sup>, V. I. Panov<sup>2,\*\*</sup>

<sup>1</sup>Kazan (Volga Region) Federal University;  
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18/1, Russia.

<sup>2</sup>Psychological Institution of Russian Academy of Education;  
125009, Moscow, Mokhovaya str., 9–4, Russia.

\*PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Educational Psychology,  
Institute of Psychology and Education.

\*\*ScD (Psychology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education,  
Head of the Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics.

E-mail: ecovip@mail.ru

Received 09.01.2023

**Abstract.** Hippovention, as a direction of psychotherapeutic and personality-developing “Human—Horse” interaction, has been extensively developing in Russia in recent years. In foreign countries many different models (Equine Assisted Psychotherapy, Equine Facilitated Psychotherapy, Equine-Assisted Counseling, Equine-Assisted Growth and Learning, etc.), based on different theoretical approaches, represent similar practices.

<sup>2</sup> The work of O.G. Lopukhova was supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (PRIORITY-2030).

The systematization of these models allows us to correlate them with certain functional tasks of hippovention as an integral system: psychotherapeutic, correctional and consultative, socio-psychological, educational and pedagogical. However, at the methodological level a contradiction is revealed. The practical implementation of most of these tasks is built in the epistemological paradigm, when a horse for a person acts as an object of his actions, or when a person “subjectifies” a horse (endows it with “human” personal qualities). At the same time, there is a position that horses are inherently endowed with agency in behavior and relationships, which corresponds to the ontological paradigm of analysis of interactions in the “Human—Horse” system. The solution to this contradiction, in our opinion, is possible from the standpoint of the Ecopsychological approach to psyche development (V.I. Panov) and the Ecopsychological Typology of Agent-Environment Interactions created in this approach. This approach is based on the idea of the creative nature of the psyche as a form of being, which finds its manifestation in the psychological capabilities of both humans and horses to act as agents of their own being and agents of social interactions. The analysis of the psychotherapeutic and developmental potential of Hippovention techniques in the context of the Basic Types of Ecopsychological Interactions “Human—Horse” (“Object-Object”, “Agent-Object”, “Object-Agent”, “Agent-isolated”, “Agent-joint” and “Agent-generating”) was carried out. It is concluded that the methodology of the Ecopsychological approach to the psyche development makes it possible to consider hippovention as a system of social interactions built on a single theoretical basis and allowing us to solve various psychotherapeutic and developmental tasks in the context of the “Human—Horse” relationship.

**Keywords:** ecopsychological approach, hippovention as a system, human—horse interactions, psychotherapy, agent-environment interactions, epistemological paradigm, ontological paradigm.

## REFERENCES

1. *Gazizov K.K., Lopuhova O.G.* Ippovencija — psihiologičeskaja korekcija i razvitie lichnosti s pomoshh'ju lošadi. *Zhurnal “Ippoterapija”*. Vestnik Nacional'noj federacii ippoterapii i adaptivnogo konnogo sporta. 2016. № 2 (4). P. 24–27.
2. *Derjabo S.D.* Antropomorfizacija prirodnyh ob'ektov. *Psikhologičeskij žurnal*. 1995. V. 16. № 3. P. 61–69.
3. *Kopytin A.I.* Konceptual'nye osnovy jeko-art-terapii. *Medicinskaja psihologija v Rossii*. 2019. V. 11. № 1. P. 4.
4. *Lopuhova O.G., Gazizov K.K.* Psihoterapija i obučenie s uchastiem lošadi: teorija, praktika i svjaz' s jekopsihologiej. *Jekopojezis: jekogumanitarnye teorija i praktika*. 2020. V. 1. № 1. P. 67–78.
5. *Lopuhova O.G., Gazizov K.K., Abolic A.S.* “Ippovencija” kak realizacija jekopsihologičeskogo podhoda v psihoterapii i razvitii lichnosti. *Jekopsihologičeskie issledovanija-6: jekologija detstva i psihologija ustojčivogo razvitija: sbornik nauchnyh statej*. Ed. V.I. Panov. Moscow: FGBNU “Psikhologičeskij institut RAO”; Kursk: Universitetskaja kniga, 2020. P. 146–150.
6. *Lošad' v psihoterapii, ippoterapii i lečebnoj pedagogike*. Učebnye materialy i issledovanija nemeckogo kuratoriuma po terapevtičeskoj gruppovoj ezde. Trans. from Germ. V treh chastjah. Ch. 2. Moscow: Konnosportivnyj klub invalidov. 2003.
7. *Ljubimov F.A.* Zoopsihologija kak osnova obučenija lošadi. Moscow: GorKa, 2005.
8. *Nikol'skaja A.V., Kostrigin A.A.* Jefferektivnost' ispol'zovanija animaloterapii v kognitivno-povedenčeskoj terapii: psihoterapevtičeskie kejsy. Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2019. V. 27. № 4. P. 149–164.
9. *Nikol'skaja A.V., Panov V.I.* Vozmožnost' konstruktivnogo konflikta v mezhdvidovoj gruppe “chelovek — domashnee zhivotnoe”. *Psihologija konstruktivnoj konfliktnosti lichnosti*. Eds. A.V. Karpov, M.M. Kashapov. Jaroslavl': Kancler, 2013. P. 84–111.
10. *Panov V.I.* Jekopsihologija: Paradigmal'nyj poisk. Moscow; Psihologičeskij institut RAO; Saint-Petersburg: Nestor-Istorija, 2014.
11. *Panov V.I.* Kommunikativnye vzaimodejstvija v mezhdvidovoj gruppe “chelovek — domashnee zhivotnoe” v kontekste jekopsihologičeskikh tipov vzaimodejstvij. *Teoretičeskaja i jeksperimental'naja psihologija*. 2016. V. 9. № 1. P. 60–70.
12. *Panov V.I.* Jekopsihologija razvitija: gnozeologičeskaja i ontologičeskaja paradigmy. *Poznanie i perezhivanie*. 2020. V. 1. № 1. P. 38–54.
13. *Rabadanova R.S., Novikov A.V., Vinogradova M.K., Slabkaja D.N.* Ippovencija kak dejstvennyj praktičeskij metod psihologo-pedagogičeskogo vozdejstvija v sovremennom obshhestve. *Psihologija. Istoriko-kritičeskie obzory i sovremennye issledovanija*. 2022. V. 11. № 2 A. P. 317–324.
14. *Bachi K., Terkel J., Teichman M.* Equine-facilitated psychotherapy for at-risk adolescents: The influence on self-image, self-control and trust. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2012. V. 17. № 2. P. 298–312.
15. *Bareiss H.-J.* Therapeutische Mensch-Pferd-Interaktion (TMPI). Grundzuege eines ganzheitlichen und mehrdimensionalen Strukturmodells. *Praxis der Psychomotorik: Zeitschrift für Bewegungs- und Entwicklungsförderung*. 1996. V. 21. № 2. R. 93–98.
16. *Birke L.* Talking about horses: control and freedom in the world of “natural horsemanship”. *Society and Animals*. 2008. № 16. P. 107–126.

17. *Blake H.N.* Talking with horses: A study of communication between man and horse. London: Souvenir Press, 1975.
18. *Brandt C.* Equine-facilitated psychotherapy as a complementary treatment intervention. *The Practitioner Scholar: Journal of Counseling and Professional Psychology*. 2013. V. 2. № 1. P. 23–42.
19. *Chardonnes E.* The use of animals as co-therapists on a farm: The child-horse bond in person-centered equine-assisted psychotherapy. *Person-Centered and Experiential Psychotherapies*. 2009. № 8. P. 319–332.
20. *De Jaegher H., Froese T.* On the role of social interaction in individual agency. *Adaptive Behavior*. 2009. V. 17. № 5. P. 444–460.
21. *Lac V.* Horsing around: gestalt equine psychotherapy as humanistic play therapy. *Journal of Humanistic Psychology*. 2016. V. 56. № 2. P. 194–209.
22. *Lac V.* Amy's story: an existential-integrative equine-facilitated psychotherapy approach to anorexia nervosa. *Journal of Humanistic Psychology*. 2017. V. 57. № 3. P. 301–312.
23. *Lentini J.A., Knox M.A.* Qualitative and quantitative review of equine facilitated psychotherapy (EFP) with children and adolescents. *The Open Complementary Medicine Journal*. 2009. V. 1. № 1. P. 51–57.
24. *Lopukhova O.G.* Correction of parent-child relationship through Equine assisted learning “Control and Trust”. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (IFTE 2017 — III International Forum on Teacher Education)*. 2017. P. 485–493.
25. *Kemp K. et al.* Equine facilitated therapy with children and adolescents who have been sexually abused: A program evaluation study. *Journal of child and family studies*. 2014. V. 23. № 3. P. 558–566.
26. *Kern-Godal A., Arnevik E.* More than just a break from treatment: How substance use disorder patients experience the stable environment in horse-assisted therapy. *Substance Abuse: Research and Treatment*. 2016. № 10. P. 99–108.
27. *Kirby M.* Gestalt equine psychotherapy. *Gestalt journal of Australia and New Zealand*. 2010. V. 6. № 2. P. 60–68.
28. *Trotter K.S., Chandler C.K., Goodwin-Bond D., Casey J.* A comparative study of the efficacy of group equine assisted counseling with at-risk children and adolescents. *Journal of creativity in mental health and social care in the community*. 2008. V. 3. № 3. P. 254–284.